«Утверждаю»
Директор ФГБУН ИВ РАН
В.П. Андросов

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГБУН ИВ РАН о диссертации Горбуновой Марины Юрьевны «Военный оркестр Мехтер в контексте турецкой традиционной культуры», представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Оркестр Мехтер, являющийся предметом исследования М.Ю. Горбуновой, представляет собой культурный феномен Турции и именно этим определяется актуальность рецензируемой работы. Мехтер, по словам автора диссертации, «формирует основу для самоопределения современных турок в настоящем и в будущем».

Диссертация привлекает прежде всего своей **актуальной тематикой:** в отечественной тюркологии отдельные исследования по Мехтеру практически отсутствуют.

Автор диссертационной работы исследует оркестр и в качестве неотъемлемой части турецкой (и шире — тюркской) культуры (Мехтер «до сих пор служит средством этнокультурной идентификации турецкого народа») и прослеживает все взаимосвязи бытования Мехтера с тюркской культурой; и одновременно исследует его в музыковедческом плане с позиций ученого-культуролога, музыковеда. В таком методологическом подходе состоит **новизна данного исследования.** Мехтер рассматривается в диссертации как элемент целостной музыкальной картины мира турок, определение которой дает автор работы (см. стр. 105-106) – картины многоуровневой и многокомпонентной.

Содержание работы полностью раскрывает тему. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы.

Первая глава работы посвящена теоретическому осмыслению турецкой традиционной культуры, символам, образам и месту музыки в целом в культуре тюрков-кочевников.

Во второй главе дается глубокий, всесторонний, подробный анализ структуры самого оркестра Мехтер, приведены функции каждого инструмента оркестра, дан разбор некоторых оркестровых маршей как отражение воинского кодекса и мифологического сознания тюрков, разбирается символика военной формы и атрибутика оркестра. Автор диссертации, проделав колоссальную работу, приходит к весьма интересным выводам о том, что в турецком Мехтере нашла отражение традиционная тюркская мифологическая картина мироустройства.

Список литературы состоит из 340 пунктов и включает литературу на русском, английском и турецком языках. Надо отметить, что автор широко использует турецкую литературу по истории Мехтера – как современные, так и ставшие уже классическими исследования (такие авторы и их работы, как: *Eren M.A.* Mehter tarihi ve marşları; *Çalışkan K.* Geçmişten günümüze en canlı kültür mirasımız şanlı Mehter; *Özkan İ.H.* Türk müsikisi nazariyatı ve usulleri и другие). **Научная новизна работы** состоит и в том, что тем самым автор диссертации вводит в научный оборот целый пласт исследований по турецкой музыкальной культуре – в частности, исследования военных историков из архивов Военного музея Стамбула, а также материалы турецкой периодической печати.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть применены при создании программ и чтении спецкурсов как по музыковедению и музыкальной литературе, так и в рамках курсов по истории и этнографии Турции при подготовке специалистов соответствующего профиля (историков, антропологов, культурологов – в ИСАА МГУ, РГГУ и др.ВУЗах).

Однако при всех достоинствах данной работы можно позволить **ряд замечаний**.

В первую очередь, несколько озадачивают присутствие в списке использованной литературы, а также и ссылки на работы Мурада Аджи. Мурад Аджи (псевдоним М.Э. Аджиева) является писателем и публицистом, чьи книги, посвященные культуре тюрков, хотя и можно назвать довольно популярными, однако ни в коем случае не являются научными исследованиями (принято считать их псевдонаучными). Поэтому ссылка на них в тексте диссертации и вообще отсылка к его работам в любом научном тексте вызывает недоумение. Если в отношении научных концепций мифа и фольклора, а также традиционной культуры, которые используются в данном исследовании как теоретическая основа, вопросов не возникает, то к теории тенгрианства (а также при опоре на труды Л.Н. Гумилева) автору диссертации следует подходить критически.

Также сомнения вызывают ничем не подкрепленные утверждения автора относительно суфийского ордена бекташийа: «Орден бекташийа представлял собой смесь христианства и мусульманства… В мифах рассказывается, что Хаджи Бекташ благословил янычарскую армию, вручив им знамя с изображением полумесяца и обоюдоострым мечом Османа» (стр. 117-118). Хотелось бы, чтобы автор опирался на классические исламоведческие труды (например: Тримингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. М., 1989) или на недавние исследования – например, на вышедшее в 2011 г. исследование Ю.А. Аверьянова, целиком и полностью посвященное бекташийи (Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа. М., 2011), - но не на «мифы» (в данном случае речь, вероятно, идет о жанре агиографических легенд, складывавшемся в турецкой литературе в XIII-XVвв.). Необходимо отметить и другие утверждения, которые нуждаются, как минимум, в подкреплении в виде хотя бы библиографических ссылок: «Тюркское слово «волк» (kurt) является корнем тюркского слова «спасение, избавление» (kurtuluş)» и др.

Кроме того, хотелось бы, чтобы автор диссертации более четко и аккуратно разграничивал культуру тюрков-кочевников и кочевническую культуру монголоязычных народов (и относительно спорным моментом является рассмотрение ее в качестве общей): так, когда речь идет о символике военной формы Мехтера и ее связей с символами-образами тюркской культуры, автор ссылается на работу, посвященную бурятскому традиционному костюму; также автор пишет: «Остановимся подробнее на роли круга в тюркской культуре. Так называемая «стрела времени» этнокультурного пространства кочевника представляла собой круг (или окружность), которые в идеале внутри своей структуры имели форму спирали, готовую по мере разных социальных причин или свернуться, или развернуться», однако ссылается при этом на статью монголиста Л.Л. Абаевой (также она упомянута в ряду тюркологов, см. стр. 8), посвященную монгольским народам, а не тюркам.

Кроме того, не вполне понятно, почему, говоря об универсальных символах и константах тюркской культуры, автор диссертации практически постоянно обращается в основном к труду казахстанских исследователей «Космос казахской культуры» (*Каракозова Ж.К., Хасанов М.Ш.* Космос казахской культуры. Алматы, 2011). В то же время существует довольно обширный пласт научной литературы по данному вопросу, затрагивающей тюркские народы в целом («Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство. Вещный мир», «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал»: 1988, 1990; *Ögel B.* Türk mitolojisi (kaynakları ve açikmaları ile destanlar). Ankara, 1971).

Также хочется отметить, что упоминание автора XI в. Махмуда Кашгарского и его знаменитого труда «Словарь тюркских языков» («Диван лугат ат-тюрк») в ряду современных лингвистов и тюркологов (см., например, с. 11) необоснованно, тем более как «М. Кашгарского» (все-таки в научной тюркологической современной традиции его принято называть Махмудом Кашгари или Махмудом Кашгарским, но никак не М. Кашгарским).

В тексте работы встречаются неясности: так, непонятно, что такое «конно-железное основание культуры турок-кочевников». Также непонятным является термин «[музыкальное] МироТворчество» (в таком написании): если речь идет о прямой цитате из указанной работы Ю.С. Барковой, то лучше это указывать отдельно и дополнительно. Нельзя не отметить и определенное количество орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок, а также опечаток, в тексте работы, например: «В.М. Жирмундский», «сульджукских», поэт «Назами».

Кроме того, написание ряда турецких фамилий, названий династий, географических названий, некоторых имен собственных и терминов в работе является ошибочным, так как они уже имеют в российской тюркологии и арабистике устоявшееся написание: Узунчаршилы (несмотря на правила русского языка, эту фамилию принято передавать как «Узунчаршылы»), «династии Караханов и Сульджуков» (устоявшимся является: династия Караханидов и династия Сельджуков), Ейуп (вместо правильного Эйюп), «Музыка-и Хюмайун» вместо «Мюзика-йи Хюмайун», ефенди вместо «эфенди», газета «Тасфир и эфкяр» (нужно: «Тасвир-и эфкяр»), Кавкаби Бухари (тогда как правильно – Надж ад-Дин Каукаби Бухари), Зигетвар вместо принятого Сигетвар и т.д.

Названные несовершенства работы, хотя и несколько портят впечатление от работы, не влияют на ценность ее как диссертационного исследования. В то же время их необходимо будет устранить, особенно если планируется публикация исследования в виде книги. В целом следует сказать, что обозначенные во Введении диссертантом цели были достигнуты, работа соответствует критериям качества, предъявляемым к подобным сочинениям, и автор заслуживает присуждения ученой степени.

Заключение по работе. Выполненная М.Ю. Горбуновой работа представляет собой самостоятельное, актуальное, законченное исследование, отвечает требованиям, сформулированным в п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (в ред. Постановления Правительства РФ от

24.09.2013 № 842 с послед. изменениями), а её автор заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Отдела истории Востока ФГБУН Институт востоковедения РАН Аникеевой Татьяной Александровной.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Отдела истории Востока 14 мая 2018 года, протокол № 6.

Заведующий Отделом истории Востока,
кандидат исторических наук, профессор Д.Д. Васильев

Адрес ведущей организации
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН
Тел. +7(495) 625-93-07
Эл. почта info@ivran.ru

Подпись Д.Д. Васильева
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
«21» мая 2018 г.